

Я позволил бы себе добавить, что названные в прологе авторы — вовсе не те, кем Скилица пользовался. Он пишет о них критически, они служат ему образцом, как не надо писать историю⁶. Поэтому умолчание об Атталиате в прологе не может иметь никакого значения.

А. К.

F. D Ö L G E R, J. K A R A Y A N N O P U L O S.
BYZANTINISCHE URKUNDENLEHRE. Erster Abschnitt':

Die Kaiserurkunden. München, 1968, S. XXXIII + 203 + 85 Taf.

Вся научная жизнь ведущего западногерманского византиниста Франца Дэльгера была так или иначе связана с изучением византийских императорских грамот. В 1924 г. он выпустил первую часть «Регест» — списка постановлений, посланий, приказов и посольств, отправленных василевсами. Это громадное предприятие было завершено только в 1965 г., когда вышла пятая часть, подготовленная Дэльгером совместно с его учеником П. Виртом¹. В процессе издания «Регест» возникла целая серия задач. Одни из них были дипломатического характера (формуляр императорских грамот, классификация их, проблемы датировки, подделок и пр.) — эти вопросы исследуются Дэльгером в ряде работ, выходящих с 1929 г. и объединенных позднее в сборник². Другие задачи были связаны с содержанием грамот: здесь было особенно важно рассмотреть фискальное устройство Византийской империи и ее взаимоотношения с соседними государствами; и той, и другой теме был посвящен ряд работ Дэльгера³. Наконец, много внимания уделял исследователь разысканию и публикации новых документов — как императорских грамот, так и актов иного типа⁴.

Вот почему можно сказать, что рецензируемая книга является научным итогом всей жизни Дэльгера. Вряд ли кто-либо был лучше подготовлен к выполнению этой задачи. Болезнь ученого в последние годы не позволила ему самому довести до конца свой труд — он завершен в сотрудничестве с учеником мюнхенского профессора греческим исследователем И. Караяннопулосом (любопытно, что кое-где сохранено авторское единственное число — см. стр. 64, примеч. 3). Хотя специальные интересы Караяннопулоса лежат в несколько иной сфере, он внес в книгу существенную черту — присущую ему четкость изложения, стремление к классификации по пунктам, ясность структуры, что в общем-то не было свойственно его учителю, писавшему подчас усложненно.

Рецензируемая книга является общей характеристикой византийских императорских грамот. Она открывается историографическим разделом (стр. 3—20), за которым следует общая характеристика византийского документа и классификация его типов. Авторы приводят на стр. 24 следующую таблицу этих типов:

Публичные акты	Частные акты
Светские	Церковные
Императорские	Патриаршие
Деспотов	Синодальные
Севастократоров	Епископские
Чиновников	Протов
	Игумнов

⁶ См. об этом: А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в. — ВВ, XX, 1961, стр. 109 сл.

¹ Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Bearbeitet von F. Dölger. T. 1—5. München, Berlin, 1924—1965.

² F. Dölger. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. См. также более поздние его работы на эту тему: «Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei». — «Actes du XII-e Congrès International d'études byzantines», t. I. Beograd, 1963; «Geheimnisse der byzantinischen Kaiserkanzlei». — BNJb, 19, 1966; «Ein Echtheitmerkmal des byzantinischen Chrysobulls». — «Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», 10, 1962; «Intervenienten-Vermerke in graeco-slavischen Urkunden». — «Die Welt der Slaven», 5, 1960; «Zur Unterfertigung byzantinischer Chrysobulloi Logoi». — SBAW, 1964, H. 10.

³ Основная работа о фискальной системе: «Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung». München, 1927 (перездано фотомеханически с небольшими дополнениями в конце: Darmstadt, 1960). Статьи о византийской дипломатии собраны в книге «Byzanz und die europäische Staatenwelt» (Ettal, 1953). Та и другая тема затронута также в работах, объединенных в сборнике ПАРАШПОРА (Ettal, 1964). Ср. еще: «Zur Form des Auslandsschreibens der byzantinischen Kaiserkanzlei». — ЗРВИ, VIII, 1, 1963.

⁴ Главная публикация: «Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges». München, 1948. Ср. также: «Sechs Byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athoskloster Iberon». München, 1949; «Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im 10. Jahrhundert». — SBAW, 1952, H. 1. Некоторые публикации включены в уже названный выше сборник ПАРАШПОРА.

В основу этой классификации положен четкий принцип: отнесение документа к тому или иному типу определяется тем, от чьего лица он выдан.

Далее авторы характеризуют внешние признаки императорских грамот (материал, чернила, письмо, пометки, печать) и их внутренние признаки, куда они включают язык и состав документа: протокол, текст, эсхатокол (стр. 27—56). Особый раздел посвящен императорской канцелярии (стр. 57—67). Авторы рассматривают здесь развитие канцелярии и функции отдельных ее должностных лиц: протаскрипт, каниклий, грамматик, а также функции таких чиновников, которые, собственно говоря, не входили в состав канцелярии, однако диктовали документы от лица государя. Сюда авторы относят квестора, логофета дрома, великого логофета, месадзона.

Чрезвычайно существенный раздел посвящен классификации императорских грамот (стр. 71—128). В основу классификации положено содержание документа, а не его формуляр. Авторы выделяют законы (эдикт, прагматическая санкция и т. п.) и законодательные постановления конкретного характера (рескрипт, *λόγος*), внешнеполитические акты, в том числе договоры, административные акты (простагма, сигиллий, кодикил), жалованные грамоты (хрисовульное слово, хрисовульный сигиллий и пр.). В каждом случае выясняется и сводится в удобную для обозрения таблицу формуляр данного вида грамоты.

Специально рассматривается вопрос о традиции императорских грамот (стр. 25—26, 129—134): немногие документы дошли до нас в оригинале, большая часть в копиях, которые подразделяются авторами на канцелярские копии, копии чиновников или епископов, копии получателей и, наконец, копии, включенные в другой документ или в нарративный источник. Книга завершается разделом о фальсифицированных (поддельных) грамотах.

В приложении помещены рекомендации для издания византийских документов и многочисленные таблицы, служащие не только иллюстрацией, но и материалом для упражнений в дипломатике, поскольку авторы приводят в книге расшифровки таблиц.

Перед нами удобное, сжатое пособие, которое будет служить руководством для каждого, занимающегося не только византийской дипломатикой, но и смежными вопросами. Обширная библиография позволяет легко получить более подробную информацию там, где авторы по воле вынуждены были остановиться краткими.

Есть, однако, и в этой добротной книге положения и разделы, вызывающие возражения. Начну с истории развития науки о византийской дипломатике. Раздел состоит из двух частей: перечня публикаций актов и — гораздо более краткого — очерка развития «теории византийской дипломатии». В первой части центральное место занимает деятельность Баварской академии наук, составившей план издания Корпуса греческих документов. Подробно излагаются решения по этому вопросу, приводится список предполагаемых томов (стр. 12—15), —несмотря на то что из грандиозно задуманного предприятия пока что ничего не вышло. В отличие от этого деятельность французских ученых во главе с Г. Милле и П. Лемерлем по изданию «Афонских архивов» умещена в 7 строчек (стр. 15), а информация о ней не отличается точностью: во всяком случае, в списке подготовляемых изданий отсутствуют «Акты Дионисиева монастыря», прекрасно изданные Н. Икономидисом в 1968 г. (уже четвертый том серии). Между тем именно с «Афонскими архивами» связан коренной перелом в технике публикаций византийских актов.

То же относится и ко второй части, из которой следует, что теория византийской дипломатии разработана «благодаря многочисленным трудам Ф. Дэльгера» (стр. 19). Спору нет, Дэльгер сделал очень много в этой области, и с этого начал рецензию. Но тем больше было у него оснований назвать здесь своих предшественников, в первую очередь П. А. Яковенко, чья работа «Исследования в области византийских грамот» (Юрьев, 1917), собственно говоря, положила начало анализу формуляра и типов императорских актов. Об этом надо было сказать ясно и четко: право, это не отняло бы славы ни у Дэльгера, ни у немецкого византиноведения вообще.

Кое-что следует уточнить в кратком разделе о палеографии актов. Возведение термина «бомбицин» к названию сирийского города Манбидж (стр. 27, примеч. 4) далеко не бесспорно. Замечание о том, что императорская подпись ставилась каламом, тростниковым пером (стр. 30), нуждается в развитии: дело в том, что вопрос о применении птичьих перьев в Византии специально, сколько я знаю, не исследован, а иконография представляет писца с каламом в руках даже на поздних миниатюрах; возможно, что здесь, как и в арабском мире, вообще писали преимущественно тростью. К списку императорских грамот с миниатюрами (стр. 30) нужно теперь прибавить хрисовул Алексея III Великого Комнина от 1374 г.

Некоторые уточнения следует внести в раздел об императорской канцелярии. Авторы полагают, что должность *ἐπί τῶν δεήσεων* появилась в VIII—IX вв. (стр. 61) — основываясь на сигиллографии, можно отнести это к более раннему времени⁵

⁵ См. печать VII в. Феодора *ἐπί τῶν δεήσεων*: V. Laurent. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. Citta del Vaticano, 1962, p. 262 sq. N 8. См. об этом: R. Guillard. Le Maître des Requêtes. — Byz., XXXV, 1965, p. 100 (эта статья не использована в рецензируемой работе).

На стр. 63 авторы пишут, что в XI в. функции квестора в качестве составителя императорских грамот переходят к протасикриту — однако последний исполнял эти функции подчас и в X в.⁶ Дело в том, что византийская канцелярия, по всей видимости, не знала той четкости разделения обязанностей, какую предполагают авторы: протасикрит и квестор действовали попеременно в одной и той же роли.

И наконец, последнее замечание. Мне думается, что в книге о дипломатике нельзя было обойтись без раздела о значении императорских грамот как исторического источника. Сами авторы не вовсе чуждаются этой тематике: например, на стр. 47, в примеч. 3 упомянуто, что преамбулы к императорским актам служили целям пропаганды — но такая случайно брошенная фраза не заменяет, конечно, характеристики памятника (и его отдельных частей) по существу. Что мы можем и чего не можем ждать от грамот, подписанных василевсами, — это вопрос первостепенной важности.

А. К.

P. KNOX. STUDIEN ZU ALBERT VON AACHEN.

Der erste Kreuzzug in der deutschen Chronistik. Stuttgart, 1966, 223 S.

Монография П. Кноха, основанная на его диссертации, защищенной в Боннском университете в 1965 г., посвящена изучению одной из известнейших и вместе с тем сомнительных в смысле достоверности хроник Первого Крестового похода: «Иерусалимской истории» лотарингского каноника конца XI — первой половины XII в. Альберта Аахенского. Длительная дискуссия историков прошлого столетия об авторской принадлежности и характере содержания этого сочинения не решила поставленных проблем. П. Кнох взялся заново изучить «Иерусалимскую историю», чтобы найти удовлетворительный ответ на главный вопрос: является ли хроника Альберта пестрым смешением рыцарских преданий (как то полагал Г. Зибель) или в основе своей она написана участником похода и в целом адекватно отражает события (что доказывали Б. Куглер и его последователи)?

Тематически и по своей структуре монография П. Кноха распадается на две части: в первых трех главах содержится источниковедческий разбор хроники, в трех последующих — анализ ее идейной направленности и методов обработки хронистом материала. Важнейшие положения и выводы резюмируются в обширном заключении (стр. 147—151).

В отличие от своих предшественников, П. Кнох исследовал все доступные ему рукописи хроники; в числе 14 обнаруженных им манускриптов 4 выявлены впервые самим Кнохом в Ватиканском и Лондонском архивах (стр. 14). Историк датирует рукописи, классифицирует их, устанавливает генетические взаимосвязи между ними и, что самое главное, сопоставляет (по выборочным признакам) текст манускриптов. Таким путем он определяет гомогенность наличных рукописных вариантов хроники Альберта, которая, по всей видимости, дошла до нас в единственной редакции. Опираясь на этот вывод, Кнох пересмотрел соотношение «Иерусалимской истории» Альберта Аахенского и «Истории деяний в заморских землях» Гийома Тирского — двух памятников, на протяжении столетий признававшихся важнейшими источниками по истории Крестовых походов и Франкского Востока (2-я глава и экскурс, дающий контаминацию параллельных текстов обеих хроник, стр. 152—211). Решительно разойдясь с прежними представлениями, он признал, что в описании Иерусалимского похода Гийом Тирский и Альберт Аахенский полностью независимы друг от друга (стр. 39 сл.), тогда как со времени Г. Зибеля считалось, будто Гийом Тирский, излагая ход событий крестоносного предприятия конца XI в., переписывал (с поправками) хронику Альберта.

Применив метод последовательного сопоставления материала обоих памятников (исследователь привлекает и другие источники начала XII в., в том числе «Алексиаду» Анны Комниной), П. Кнох твердо обосновал гипотезу, выдвинутую еще Б. Куглером: согласно предположению последнего, Альберт Аахенский переработал какую-то навсегда утерянную впоследствии хронику хорошо осведомленного лотарингского участника событий. Кнох по-новому подошел к решению вопроса и сопоставлением хроник Альберта Аахенского и Гийома Тирского убедительно доказал наличие у них общего первоисточника (стр. 41 сл., 53 сл.). Он определил тематические и хронологические границы этого «протографа», его содержание, объем, происхождение и время составления, во многом уточнив догадки Куглера, а во многом сделав совершенно иные выводы. Так, вопреки мнению этого ученого, Кнох существенно сузил рамки предполагаемой лотарингской первоосновы Альбертовой «Истории»: в этом памятнике был описан только самый Крестовый поход, т. е. «протографу» соответствуют лишь

⁶ См., например: N. G. Svoronos. La Synopsis major des Basiliques. Paris, 1964, p. 22. Ср.: F. Dölger. Byzantinische Diplomatik, S. 63, но в рецензируемой книге это наблюдение опущено.